

СТРАТЕГИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Бартош А.А.* (Россия, г. Москва)

Аннотация. Публичная дипломатия как часть «мягкой силы» имеет несомненную конструктивную составляющую, но также может вестись в деструктивных целях для подрыва и ослабления государств. В контексте деструктивного применения в статье рассматриваются особенности использования стратегий сокращения и измора в операциях современной публичной дипломатии в конфликтах современности, в числе которых цветная революция и гибридная война.

Сопоставительный анализ стратегий публичной дипломатии способствует появлению нового знания о феномене, совершенствованию возможностей российской публичной дипломатии при одновременном адекватном отражении особенностей противодействия геополитическим противникам в доктринальных документах по обеспечению национальной безопасности России.

Успешное использование инновационных разрушительных технологий в информационной сфере в решающей степени определяется ослаблением системы глобальной безопасности, деформация и раздробленность которой приводят к нарастающей хаотизации международных отношений. Процессам хаотизации способствуют действия США, которые в своем стремлении к мировой гегемонии целенаправленно формируют глобальную нестабильность для ослабления стратегических конкурентов, прежде всего Китая, России и Европейского союза.

В результате обостряются международные и внутренние конфликты, на месте некогда процветающих стран возникают хаотические образования, ведущие войну «всех против всех», набирают силу сетевые формы международного терроризма, приобретает глобальные масштабы организованная преступность, в Европу целенаправленно направляются потоки беженцев. Меняется состав сил, принимающих участие в конфликтах, появляются новые нетрадиционные угрозы.

Действия по подрыву глобальной и национальной безопасности базируются на экономическом, финансовом, информационном и военном доминировании США, на широкой системе союзов, международных экономических и финансовых организаций под эгидой Вашингтона.

На решение этих задач направлено умелое использование технологий «мягкой силы» в каждой из сфер управления деятельностью государства: административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой.

Основные идеи концепции «мягкой силы» были сведены одним из ее авторов Джозефом С. Наем к обоснованию возможности и целесообразности использования для решения политических и стратегических задач государства инструментов, не основанных на непосредственным и широким применением военной силы [3].

Подразумевалось, что, используя невоенные ресурсы, такие как экономическая мощь, высокий уровень развития технологий, науки и культуры, а также возможности навязывания миру своих политических идеалов и моральных стандартов, государство (в рассматриваемом контексте – в основном США, НАТО и некоторые их союзники и партнеры) в состоянии оказать необходимое влияние на политиков и население страны-мишени без широкого применения традиционных приемов военного давления и принуждения. Заметим, что при этом военная сила, военный потенциал остаются в арсенале коллективного Запада, а угроза их возможного применения служит дополнительным стимулом для удержания многих других государств в русле, определенном Вашингтоном с решительным пресечением попыток идти путем собственных национальных интересов и своего суверенного выбора.

* Бартош Александр Александрович, кандидат военных наук, доцент, эксперт, член-корреспондент, Академия военных наук.

Не случайно концепции «мягкой силы» было довольно быстро найдено место в системе приоритетов национальной стратегии США и сформулировано ее официальное определение, согласно которому «Мягкая сила» – это комплекс дипломатических, экономических, политических, военных, юридических и культурологических инструментов не силового воздействия на обстановку в иностранных государствах в целях оказания на нее влияния, отвечающего национальной безопасности США» [1].

Концепция наступательного использования «мягкой силы» занимает одно из ведущих мест в стратегиях конфликтов современности, в числе которых цветная революция и гибридная война. При этом использование «мягкой силы» как одного из проявлений борьбы базируется на одной из двух базовых стратегий: стратегии измора и стратегии сокрушения. На универсальный характер таких стратегий обратил внимание русский и советский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог Александр Андреевич Свечин: «понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы и должны быть объяснены самой динамикой последней» [4].

Стратегия гибридной войны как одной из разновидностей современного конфликта построена на преимущественном использовании невоенных средств и базируется на изморе, истощении противника. Цель заключается в полном разрушении национальной субъектности государства – объекта агрессии с последующим переводом его (или того, что от государства останется) под внешнее управление.

Своеобразным антиподом стратегии измора выступает стратегия сокрушения, которая в существенной мере отражает особенности цветной революции.

Подобное целеполагание стратегий вытекает из сформировавшегося в настоящее время понимания указанных конфликтов, которое, тем не менее, нуждается в дополнительном научном обосновании.

Гибридная война представляет собой: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий; в сочетании с экономическим давлением» [5].

Это определение довольно точно отражает ключевое отличие гибридных войн от традиционных конфликтов, которое обуславливается заметным смещением используемых военных и невоенных форм, средств, методов и технологий в не силовую часть спектра.

Именно на гибридную войну с ее широчайшим спектром воздействия делают ставку геополитические противники России, рассчитывая в перспективе добиться развала страны путем истощения ее социально-экономического, политического и культурно-мировоззренческого потенциала.

Одновременно готовится почва и для проведения в России одномоментных политических акций – цветных революций с целью свержения правительства и установления подконтрольного Западу режима. Политолог А.Манойло определяет цветные революции как «технологии государственных переворотов в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме. Цель цветных революций – государственный переворот, после его успешного осуществления цветная революция заканчивается [2].

Отметим, что приводимые нами определения не являются единственными и требуют серьезного научного обоснования.

Появление феномена гибридной войны, который заявил о себе как важная составляющая подрывных стратегий в конце 90-х – начале 2000-х годов, придает новое качество современным многомерным конфликтам. Свойство многомерности предопределяет трансформацию количественных изменений в качественные по мере развития стратегий, сил и средств конфликтов. С учетом масштаба и интенсивности воздействия гибридная война превратилась в новый вид межгосударственного противостояния. Это свойство связано с новыми измерениями гибридной войны, главными из которых являются:

- всеобъемлющий характер конфликта, который ведется с использованием военных и невоенных форм воздействия с упором на идеологические средства и современные модели «управляемого хаоса».
- война построена на стратегии измора, что придает конфликту затяжной перманентный характер;
- к гибридной войне неприменимы нормы международного права, определяющие понятие «агрессия», в такой войне не существует понятий «фронт» и «тыл»;
- новое измерение войны обладает по отношению к предшествующим статусом и энергией отрицания и формирует качественную основу трансформации конфликта, обуславливает переход от линейной к нелинейной парадигме войны.

Цветная революция также представляет собой новый феномен в спектре современных конфликтов, для которого характерно целеустремленное массированное использование информационных технологий с целью формирования манипулируемой толпы и последующих таранных ударов по власти. Информационные системы и технологии воздействия на противника в обоих видах конфликтов в начале XXI века вышли на новый количественный и качественный уровень, что придает информационному оружию недоступный ранее пространственный масштаб, особую остроту и угрожающую актуальность.

Применение информационных технологий, важной составной частью которых является публичная дипломатия, с целью «мягкого» воздействия на власть и население приводит к радикальной трансформации всех сфер общественной жизни страны-мишени.

1. Публичная дипломатия как составляющая «мягкой силы»

Публичная дипломатия представляет собой сферу внешнеполитической деятельности государства-субъекта по продвижению собственных национальных интересов.

По объему понятие «мягкой» силы гораздо шире, а публичная дипломатия может рассматриваться как одна из ее составляющих, либо как отдельное проявление «мягкой» силы как феномена государственной политики по взаимодействию с обществами других стран.

Таким образом, тогда как «мягкая» сила представляет собой явление в международной политике, публичная дипломатия выступает в роли процесса реализации определенных сторон этого явления на практике, непосредственного диалога между социальными группами, индивидами, государственными и негосударственными акторами. Различие между традиционной и публичной дипломатией состоит в том, что публичная дипломатия вовлекает в сферу своей деятельности не только правительства, но и, прежде всего, неправительственные организации и отдельные личности. Публичная дипломатия является одной из форм не прямых действий и подразумевает «стремление продвижения национальных интересов ... путем понимания, информирования, и оказания влияния на граждан иностранного государства» [6].

Способность публичной дипломатии служить инструментом влияния разума одного человека на разум другого есть важнейший фактор решения стратегических задач в конфликтах современности, а не прямые действия представляют основу этого фактора.

В своем стремлении оказывать влияние на сознание граждан иностранного государства публичная дипломатия далеко не всегда встречает позитивную реакцию со стороны правительства такого государства. Таким образом, процесс продвижения интересов чужого государства средствами публичной дипломатии вполне предсказуемо вызывает противодействие правительства страны-мишени.

Наступательный, как правило агрессивный характер публичной дипломатии в современных условиях обуславливается остротой противоречий между отдельными государствами. Это обстоятельство превращает публичную дипломатию в важный инструмент воздействия на международные отношения, на политику, на диалог между сторонами с несовпадающими национальными интересами, а также на тех,

чья задача состоит в установлении и ведении такого диалога – дипломатов, политиков, военных, СМИ. Наряду с этим, публичная дипломатия представляет собой важный канал в процессе межкультурной коммуникации, т.е. содержит несомненную конструктивную составляющую.

2. Трансформация публичной дипломатии

В условиях ослабления системы глобальной безопасности, деформация и раздробленность которой приводят к нарастающей хаотизации международных отношений, происходит своеобразная «трансформация публичной дипломатии» как культурно обусловленного вида человеческой деятельности и важного инструмента воздействия на международные отношения. Будучи явлением культуры, публичная дипломатия в то же время подчиняется определенным правилам ведения борьбы невоенными средствами.

Вместе с тем на трансформацию публичной дипломатии и стратегий, которые используются в операциях, важное оказывает влияние обострение глобальных, межнациональных, этноконфессиональных и социокультурных противоречий. Синергия этих факторов приводит к фундаментальным сдвигам в особенностях процесса реализации определенных сторон публичной дипломатии на практике, влияет на непосредственный диалог между социальными группами, индивидами, государственными и негосударственными акторами.

На процессы прогнозирования и планирования стратегии публичной дипломатии воздействует высокая степень неопределенности развития политических ситуаций, многие из которых целенаправленно создаются и считаются управляемыми. Практика современности показывает, что целенаправленное воздействие на систему национальной безопасности государств создает условия, при которых малый толчок может спровоцировать лавину – в непредсказуемом месте, с непредсказуемыми последствиями, изменяющими всю систему, какой бы устойчивой она ни казалась. В связи с этим, по словам президента РФ Владимира Путина, «сегодняшний мир живет в условиях очень ограниченного горизонта планирования, особенно в сфере политики и безопасности». Примерами подобного преступного вмешательства внешних сил – США и НАТО служит драматическое развитие обстановки в Ираке, Ливии, Сирии, на Украине, в Юго-Восточной Азии.

Изменчивые сценарии конфликтов современности не открывают всех вариантов развития обстановки и нередко оставляют инициаторов всяческих изменений наедине с новыми, непредсказуемыми опасностями.

Значительная часть угроз национальной безопасности России связана с подрывными действиями геополитических противников – отдельных государств и их коалиций в ходе развязанной против нашей страны гибридной войны.

3. Стратегия России по противодействию публичной дипломатии геополитических противников

Успешная адаптация системы обеспечения национальной безопасности России, включая публичную дипломатию, к вызовам и угрозам, порождаемым гибридной войной и цветной революцией, в решающей степени зависит от знания особенностей современных конфликтов и способности на этой основе выдерживать приоритеты строительства вооруженных сил, укрепления административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфер государства.

Сегодня, несмотря на наращиваемые усилия и достигнутые успехи, российская публичная дипломатия пока далека от идеальной, и непрекращающийся поиск возможных путей ее оптимизации требует дальнейшей ее адаптации к современным политическим реалиям.

Работа по адаптации системы обеспечения национальной безопасности России к вызовам и угрозам, порождаемым конфликтам нового вида, в решающей степени будет зависеть от способности своевременно сформировать новое знание о гибридных угрозах и на этой основе определить стратегию

государства в целом, приоритеты строительства вооруженных сил, развития экономики и культурно-мировоззренческой сферы. Требуется синтезировать имеющиеся и полученные в ходе исследований новые знания с целью формирования концепции современных конфликтов и модели противодействия, включая средства публичной дипломатии.

Стратегия российской публичной дипломатии по противодействию гибридной войне и цветной революции должна строиться с учетом нелинейной конфигурации атакующих сил и средств и отражать следующие ключевые задачи защиты государства:

- способность быстро и решительно реагировать на конфликты, нелинейный характер которых позволяет достигать значительных результатов при относительно небольших возмущающих воздействиях. В этом контексте умелое использование Украины в гибридной войне коллективного Запада против России свидетельствует о крайне разрушительном потенциале и опасности технологий публичной дипломатии в нелинейных конфликтах, противодействие которым требует решительной и быстрой реакции.

С другой стороны, убедительные действия российских средств публичной дипломатии в период операции по присоединению Крыма, при освещении операций ВКС России в Сирии, а также в ходе повседневного информационного противостояния показывают эффективность российских стратегий противодействия гибридной войне;

- переход от формы прикрытия пространства политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сфер государства к функциональному контролю над наиболее важными стратегически элементами каждой сферы. Во внешнеполитической сфере необходимо сосредоточить главные усилия на Украине, которая используется противниками России в качестве мощного антироссийского тарана в гибридной войне. Украина в среднесрочной перспективе должна стать главным детерминантом российской внешней политики и публичной дипломатии, перекрывая наши отношения с США и ЕС. Важное место в усилиях публичной дипломатии должно отводиться освещению проблем участия России в инициативе «Шелковый путь», повышению доверия между партнерами с целью привлечения инвестиций в районы Сибири и Дальнего Востока. Новым объектом публичной дипломатии становится Арктика, где необходимо противостоять комплексу зарождающихся гибридных угроз [7]. Традиционный характер приобрело противодействие попыткам публичной дипломатии НАТО оправдать расширение альянса, активизацию военных приготовлений блока, развертывание системы ПРО у границ России [8].
- обеспечение возможности оперативного сосредоточения критически важных усилий и ресурсов в наиболее уязвимом месте. Сегодня это – фронты информационной и экономической войны и обеспечение кибербезопасности критической инфраструктуры. В информационной и экономической войне главные усилия должны быть сосредоточены опять же на комплексном противодействии нынешнему режиму в Киеве и поддерживающим его силам;
- ведение непрерывной разведки и ее тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления государством и вооруженными силами с целью реализации стратегии, позволяющей оперативно обеспечивать создание и использования преимущества на угрожаемом направлении. Непредсказуемые действия нового американского руководства убедительно свидетельствуют в пользу приоритетности этой задачи;
- и, наконец, наличие качественного кадрового ресурса, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противодействия гибридной войне, в том числе и за счет публичной дипломатии.

Проведенный сопоставительный анализ возможностей и стратегий публичной дипломатии России и ее геополитических противников будет способствовать появлению нового знания о феномене и адекватному отражению особенностей противодействия в доктринальных документах по обеспечению национальной безопасности России.

Список литературы

- [1] *Гушер А.* «Мягкая сила» как инструмент геополитики и войны.
URL: <http://nic-pnb.ru/analytics/myagkaya-sila-kak-instrument-geopolitiki-i-vojny/> (13.05.2017).
- [2] *Манойло А.В.* Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // *Право и политика.* 7 (187), 2015.
- [3] *Най Д.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. – Н.: ФСПИ «Тренды», 2006.
- [4] *Свечин А.А.* Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927.
- [5] *The Military Balance-2015. Editor's Introduction.*
URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2015-5ea6/mb2015-00b-foreword-eff4> (8.04.2017).
- [6] *Leonard M., Catherine Stead C., Conrad Smewing C.* Public Diplomacy.
URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/35.pdf> (13.05.2017).
- [7] *Бартош А.А.* Гибридные угрозы возникли в Арктике. Чем опасна для российских интересов англосаксонская стратегия не прямых действий в арктической зоне // *Независимое военное обозрение.* 02–09.12.2016.
URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-12-02/1_928_arctic.html (13.05.2017).
- [8] *Бартош А.А.* Применение гибридных методов в современных конфликтах. «Проблемы национальной стратегии», 2016. №6 (39). – С. 158–171.